

Карета остановилась у ворот поместья. Цзинь И и Фу Мин вышли из нее, и маленькая фигурка, словно стрела из лука, метнулась к ним. Фу Мин присел и поднял Чжаояня на руки.

Глаза Чжаояня блестели от слез, он смеялся и плакал одновременно, говоря: «Папа, вы наконец-то вернулись! Почему вы так долго ехали домой?»

Фу Мин утешал его нежным голосом, крепко обнимая. Цзинь И же осторожно вытащил Чжаояня из объятий Фу Мина, поставил его на землю, но не отпустил, продолжая держать за руку. Двое взрослых и один ребенок, а за ними слуги, вместе вошли в ворота.

Фу Мин первым вернулся в сад Фан Мань Тин, чтобы искупаться и переодеться.

В эти дни лето углублялось, и лотосы в Фан Мань Тине цвели в полную силу. Вань Лань как раз срезала несколько веток, чтобы поставить в вазу и отнести госпоже Жэньлань. Увидев вернувшихся Фу Мина и Лю Фэй, она поспешно отложила вазу, постоянно расспрашивала о их здоровье, помогала распаковывать багаж, подавала чай и воду, ни на минуту не останавливаясь.

Лю Фэй рассмеялась: «Мы столько дней отсутствовали, тебе, наверное, было очень скучно? Посмотри на себя, ты больше похожа на ласточку, чем ласточка в горах!»

Вань Лань тоже рассмеялась: «Разве ты не знаешь, какая я? Зато ты, я вижу, кажешься счастливее, чем перед отъездом! Или гора Цуйвэй была слишком скучной, и ты так рада вернуться, или случилось что-то хорошее, что так тебя обрадовало?»

Лю Фэй оттащила Вань Лань в сторону и что-то тихо прошептала ей на ухо. Услышав это, улыбка на лице Вань Лань тоже стала неудержимо широкой. Фу Мин, видя это, догадался, о чем они шепчутся, и сделал вид, что ничего не видит и не слышит. Выпив охлаждающий чай, он вышел из двора.

Лю Фэй поспешно подтолкнула Вань Лань: «Иди за ним, я тоже устала, дай мне сегодня отдохнуть».

«Тогда иди спать в свою комнату. Если проголодаешься или захочешь пить, скажи маленьким служанкам. Вечером мы все подробно обсудим». Сказав это, она поспешно побежала, чтобы догнать Фу Мина.

Едва они вышли из двора, как увидели неподалеку Цзинь И, направляющегося к Фан Мань Тину. Сегодня у старой госпожи был обед, и Цзинь И пришел, чтобы сопроводить Фу Мина. Раньше их господин никогда не получал такого обращения! Вань Лань действительно поверила словам Лю Фэй: месяц в горах все изменил.

Придя в комнату старой госпожи, они увидели, что Жэньлань, Чжаоянь и Синьюэ уже там, но наложница Ван отсутствовала. Фу Мин посмотрел на Цзинь И, Цзинь И посмотрел на него в ответ, и Фу Мин понял. Слабое чувство радости зародилось в его сердце.

Цзинь И достал из рук служанки сувениры для каждого. Подарки были скромными, но выражали искренние чувства. Госпожа рассмеялась: «Амитабха, Чанцзе не мог придумать такого, это, должно быть, Мин-эр старался».

Цзинь И с легкой улыбкой ответил: «Старая госпожа ясно видит, это действительно идея Мин-эра». В сознании Цзинь И всплыл образ Фу Мина, долго стоявшего на коленях и молящегося Будде в храме Люли. Его спокойный профиль и благоговейное выражение лица заставили его в тот момент по-настоящему поверить, что боги и Будды существуют.

Чжаоянь, получив подарок, был вне себя от радости, постоянно размахивая деревянным мечом в руке, и спросил Фу Мина: «Какие слова выгравированы на нем?» Он еще мало знал и не мог полностью прочитать две маленькие строки на клинке.

Фу Мин указал на слова и поочередно прочитал: «Это 'Осенняя вода дарована тебе, отпусти мелкие обиды'». Затем он объяснил Чжаояню значение этих двух строк:

«Древние говорили, что хороший меч подобен осенней воде. Этот меч дарован Янь-эру, и Янь-эр должен быть подобен благородному мужу: хотя у него в руках хороший меч, он никогда не использует его из-за личных мелочей или обид».

Цзинь И тоже сказал: «У воина есть путь, оружие в руке нельзя использовать небрежно, его нужно использовать только для самых достойных дел».

Чжаоянь, похоже, понимал не до конца, он лишь повторил эти две фразы несколько раз вслед за Фу Мином, а затем снова радостно замахал мечом.

Жэньлань, увидев, что Чжаоянь больше не пристает к Фу Мину, наконец, нежно вдохнула аромат своего саше и с улыбкой спросила: «Этот аромат очень свежий, я никогда раньше такого не чувствовала. Брат Мин, что там внутри?»

Синьюэ тоже сказала: «Я тоже впервые чувствую такой аромат, могу уловить только один или два, а остальные не знаю».

Фу Мин перечислил все виды цветов и трав в саше, а затем сказал: «Древние знали все эти цветы и травы, часто используя их в стихах и песнях. Хотя сегодня многие из них малоизвестны, их аромат не уменьшился. Ароматные травы подходят для дарения красавицам, так что хорошо, что вам двоим понравилось».

Жэньлань и Синьюэ обе сказали, что им «очень понравилось».

Пока они разговаривали, Цин Фэн пришла доложить старой госпоже, что все блюда готовы, и спросила, можно ли начинать обед.

Старая госпожа сказала: «Они проделали такой долгий путь, наверное, голодны и устали. Давайте поскорее поедим и пойдем отдыхать».

После обеда за общим столом все разошлись. Чжаоянь снова уговорил Фу Мина и Цзинь И спать вместе.

Фу Мин взял Чжаояня за руку и с улыбкой сказал: «Хорошо, пойдемте вместе в Фан Мань Тин». Он поднял голову и спросил Цзинь И: «Господин хочет пойти с нами?»

Цзинь И подошел ближе и шепнул ему на ухо: «Конечно. Зачем спрашивать то, что и так знаешь?»

Лицо Фу Мина слегка покраснело, но он сказал: «Почему же я спрашиваю то, что знаю? Может быть, господин давно не видел старых друзей и хочет встретиться с ними!»

«То, что ты так говоришь, показывает, что мои прежние усилия были напрасны». Цзинь И тоже не удержался от смеха: «Как благородный Мин Гунцзы может говорить такие слова?»

Лицо Фу Мина все еще было красным, но он не мог не рассмеяться: «Что я такого говорю? Если господину не нравится, я больше так не буду».

Цзинь И покачал головой и ответил с улыбкой: «Говори, что хочешь, мне все нравится. Только не думай лишнего, ты ясно понимаешь, что у меня на сердце».

«Что у господина на сердце? Если господин не скажет, как я узнаю?»

«Ты уверен, что хочешь, чтобы я сказал это при Янь-эре?»

Фу Мин поспешно покачал головой, но Чжаоянь, подняв шею, спросил: «Что папы хотят сказать? Почему нельзя сказать это при Янь-эре?»

Фу Мин смутился, поспешно взял Чжаояня за руку и ускорил шаг, меняя тему разговора: «Что Янь-эр изучал в эти дни?»

Чжаоянь послушно перечислил все, что узнал за месяц. Цзинь И следовал за ними, и в его глазах невольно светилась глубокая радость.

На следующее утро Цзинь И рано отправился на утренний суд, а Чжаояню нужно было идти в родовую школу на занятия. У Фу Мина пока не было дел, поэтому он в Фан Мань Тине записывал все, что видел на горе Цуйвэй, пока воспоминания были свежи, и собирался нарисовать еще несколько картин.

Пришел человек и доложил, что приехал молодой господин из семьи Чжоу.

Двое встретились, и прежде чем успели сесть, Чжоу Чэнъянь сказал: «Наконец-то дождался твоего возвращения! Но брат Мин, вы только вчера вернулись, а я уже сегодня пришел в гости, не помешал ли я твоему отдыху?»

Фу Мин с улыбкой ответил: «Что ты, как такое может быть? Ты пришел так рано, это показывает, как ты ценишь меня как друга».

«Именно так», — сказал Чжоу Чэнъянь. — «Брат Мин, вы сопровождали князя Синь в летнюю резиденцию во дворце Цуйвэй. Расскажи что-нибудь интересное, что случилось?»

Фу Мин выбрал несколько историй и рассказал их. Чжоу Чэнъянь, услышав, что Фу Мин поставил великий танец династии Тан, был приятно удивлен и сказал: «Давай как-нибудь соберем людей и тоже поставим это!»

«Более сотни искусных музыкантов и танцоров не так-то просто собрать».

«Давай найдем Янь Лэ и Цин Суня, чтобы они присоединились к нам. С ними собрать этих людей будет несложно».

Фу Мин все же покачал головой и сказал: «Эта великая песня происходит из дворца. Нам не по правилам ставить ее в частном порядке, так что лучше отказаться от этой идеи».

Услышав это, Чжоу Чэнъянь понял, и на его лице появилось сожаление. Он сказал: «Как жаль, что у меня нет возможности это увидеть. Я-то ладно, но если Цин Сунь узнает, он, наверное, будет рвать на себе волосы!»

Фу Мин рассмеялся: «Его здесь нет, можно говорить об этом. Но раз уж мы решили от этого отказаться, лучше ему не знать».

Чжоу Чэнъянь кивнул, посмотрел на Фу Мина. Когда Фу Мин посмотрел на него с сомнением, он сказал: «Брат Мин, мне кажется, ты немного изменился?»

Фу Мин спросил: «Изменился? Как изменился?»

Чжоу Чэнъянь долго внимательно рассматривал его и ответил: «Сам не могу сказать, но в общем, ты стал еще красивее, стал очень очаровательный».

Фу Мин потерял дар речи и рассмеялся: «Что ты болтаешь, дразнишь меня!»

«Я ничего не болтаю», — Чжоу Чэнъянь не хотел вдаваться в подробности и переключился на другую тему, снова пригласив Фу Мина как-нибудь собраться со всеми. Фу Мин согласился.

У Чжоу Чэнъяня были другие дела, и он не мог задерживаться. Выпив чашку чая, приготовленного Фу Мином, он неохотно попрощался и ушел.

Вечером Цзинь И вернулся из Ямэня и, не заходя в свой двор, сразу направился в Фан Мань Тин.

Фу Мин велел кухне приготовить еду, поел с Цзинь И, помог ему снять одежду и расчесать волосы. Когда он расслабился, они сидели на бамбуковой кушетке под карнизом, наслаждаясь прохладой и беседуя. Рядом горела ароматическая трава от комаров, но несколько светлячков, совершенно не обращая внимания на струйку голубого дыма, летали вверх и вниз, перекликаясь с редкими звездами на небе.

Фу Мин спросил Цзинь И, справляется ли он с накопившимися делами после столь долгого отсутствия в столице, а Цзинь И спросил Фу Мина, что тот делал днем. После того, как они поговорили о личных делах, Цзинь И сказал Фу Мину: «Брат Сянсянь попросился служить на границе в Лянчжоу, и двор уже одобрил это. Через несколько дней он отправится в путь».

Фу Мин был весьма удивлен: «Почему он вдруг сам попросился служить на границе?»

Цзинь И ответил: «В эти годы граница в Лянчжоу хотя и была относительно мирной, но там бурлили подводные течения. Брат Сянсянь человек с большими амбициями, и его просьба о службе на границе, вероятно, была поиском возможности отличиться. Кроме того, оставаясь при дворе, он в конце концов не мог бы проявить себя, поэтому ему все равно пришлось бы уехать».

«Раз так, давайте хорошо попрощаемся с ним».

«Угу», — сказал Цзинь И. «И ты не грусти, встречи и расставания случаются».

Фу Мин сказал: «Я тоже знаю, что встречи и расставания случаются, но стоило только снова встретиться, как быстро расстались. Встречи всегда короткие, а расставания всегда долгие».

Цзинь И сказал: «У каждого свои устремления, вы не можете идти одним путем, естественно, будете мало видеться. Но мы двое всегда сможем быть вместе надолго».

Услышав это, на лице Фу Мина появилась легкая улыбка: «Господин прав».

Он поднял голову, глядя на небо. Звезды становились все плотнее, сколько их сходилось и

расходилось, а некоторые, как звёзды Шэнь и Шан, никогда не встретятся, а некоторые мгновенно падали, исчезая навсегда.

Фу Мин и Цзинь И прижались друг к другу. Фу Мин спросил: «Есть поверье, что умершие превращаются в звезды на небе, а есть и другое, что каждая звезда на небе – это живущий на земле человек, и когда человек умирает, звезда гаснет. Что думает господин?»

Цзинь И слегка наклонил голову, посмотрел на Фу Мина и вдруг рассмеялся: «Я не верю ни в одно из этих поверий. Я просто думаю, что ты – звезда в моих глазах».

Когда этот доблестный воин внезапно произнес такие слова, они долго отзывались в ушах и сердце Фу Мина, не давая ему думать ни о чем другом. Каким бы красноречивым он ни был, ему нечего было ответить.

Прочитав все главы о ветре и луне в поэзии, он не нашел ничего подобного этому единственному предложению. Оказывается, вкус любви нужно испытать самому, чтобы по-настоящему понять, насколько он пленительный.

Фу Мин долго молчал в объятиях Цзинь И. Капля воды бесшумно соскользнула с листа лотоса, упав в пруд с громким всплеском. Фу Мин очнулся, и, снова подняв глаза на звезды, понял, что время незаметно пролетело, и ночь уже глубока.

—

Примечание автора:

Фраза 'Осенняя вода дарована тебе, отпусти мелкие обиды' является переработкой строк поэта эпохи династии Тан Лю Ча: «Поток древней воды, течет в мою ладонь. Перед уходом дарю тебе, не пренебрегай мелкими обидами».

—

<http://bllate.org/book/12585/1118427>